

ИЗ ИСТОРИИ НРАВОУЧИТЕЛЬНОЙ ПОЭЗИИ: «ЖЕНСКАЯ» БАСНЯ Э. МУРА В РОССИИ

Н.В. Крицкая

Аннотация. Анализируется малоизученный феномен «женской» басни в русской рецепции на примере басен Э. Мура (1712–1757), сопровождавших «Советы несчастной матери ее дочерям...» С. Пеннингтон в качестве наглядных аллегорических иллюстраций. Рассмотрены жанр английской басни как популярный дидактический инструмент XVIII в., специфика «гендерной» трансформации Э. Муром классических басенных сюжетов, а также особенности их первого русскоязычного воспроизведения (1788 г.). В точности отражая содержание оригинала в ущерб его эстетическим особенностям, перевод Н. Яценкова находится в русле традиционной для английской культуры утилитарно-дидактической басенной парадигмы. Обучая читательниц наиболее рациональному отношению к разнообразным аспектам «женской» жизни своего времени, произведения Э. Мура заполняют новую для русской нравоучительной поэзии нишу «басен для дам», имевших целью помочь вступающим в свет юным девушкам занять адекватное место в социуме и избежать наиболее типичных ошибок.

Ключевые слова: басня; Э. Мур; перевод; дидактическая поэзия.

«Надлежало бы мне прежде всего объявить тебе предмет сего письма, состоящий единственно в том, чтобы <...> дать наставления в рассуждении того, как вам жить в свете. Если вы со вниманием будете читать мои советы <...>, то они заменят недостаток всевозможных и рачительных о вас попечений нежнейшей матери» [1. С. 15]. «Советы несчастной матери ее дочерям...» [2] леди Сары Пеннингтон, появившиеся в 1761 г., пользовались большим спросом среди английской публики и многократно переиздавались вплоть до конца XIX в. Поэтому не случайно, что популярная в Англии книга заинтересовала русских книгоиздателей, и в 1788 г. «Советы...» появились на русском языке, став источником процитированного отрывка. В предисловии к изданию переводчик пишет: «Многие их тех, которые имеют ценить доброту сочинений, хвалили мне сию книжку и советовали перевести на Российский язык» [1].

«Советы несчастной матери ее дочерям, полезные для молодых девиц, вступающих в свет: с присовокуплением для женского пола нравоучительных басен» стали «пробой пера» молодого переводчика Николая Максимовича Яценкова. Первый опус Яценкова, сегодня известного главным образом в качестве переводчика «Новейшей и полной поваренной книги», не оставил глубокого следа в русской культуре и вряд ли представляет безусловную эстетическую или практическую ценность (в отличие от первой в России поваренной книги). Однако с

исторической точки зрения перевод Яценкова очень интересен, поскольку является первой русскоязычной версией басен известного английского поэта Эдварда Мура, призванных в аллегорической форме проиллюстрировать назидания молодым девицам.

Вероятно, традиция издания «советов» разного рода параллельно с «наглядными» басенными текстами Э. Мура была довольно устойчивой, так как в четвертом издании «Карманной библиотеки для женщин» (1809) эти басни соседствовали не только с «Советами» Пеннингтон, но также с «Советами для новобрачной» Дж. Свифта, «Завещаниям д-ра Грегори своим дочерям», «Основами хорошего вкуса» леди Карлайль и рядом других нравоучительных текстов [3].

«Советы...» С. Пеннингтон содержат, между замечаниями «Об одевании и модах» и главой о достоинствах и недостатках тамбурного шитья, любопытные рассуждения, озаглавленные «О романах». Пеннингтон – «типичная представительница английского высшего света» [4], – пишет следующее: «Читать романы есть точно так, как если бы искать грязи и в негодном месте самых малейших кусочков бриллианта; и хотя бы случилось их найти, однако они не столь великую имеют силу, чтобы наградить труд к снисканию их употреблений. <...> Сие бесполезное знание не увеселения, ни пользы читателю не приносит» (перевод Н. Яценкова). В отличие от романов, басни, сопровождающие «советы» подобного рода, представлялись матерям и отцам семейства исключительно пригодными для того, чтобы «приуготовить познания полезных качеств и средств, могущих нам доставить совершенное благополучие» [1. С. 23, 51]. Почему же именно на басни была возложена эта обязанность?

«Возможно, восемнадцатый век в Англии и не был веком морали, но он, безусловно, был веком моралистов, – замечает современный комментатор. – Поэты, публицисты и писатели непрерывно морализировали» [5. С. 22]. Главной задачей образования этого времени стало формирование образованного джентльмена, делового человека нового буржуазного общества. При этом если твердая подлежащая мораль предписывалась всей литературе, то басня, дидактичная по определению, выполняла данное требование естественнее, чем любой другой жанр: фактически, басня переставала быть басней, если ее «литературная» часть не находила кульминации в моральной инструкции.

Один из главных идеологов своего времени Д. Локк прямо рекомендовал басни в качестве обучающего материала. Мысль о великолепной приспособленности басен для образовательной цели являлась сквозной и для многих баснописцев, которые особенно подчеркивали ненавязчивость преподнесения басенного наставления. Л'Эстранж (1692), каждая из басен которого заканчивалась короткой моралью с последующей пространной «рефлексией», считал, что басни преподносят моральный урок «подслащенным и позолоченным»; Э. Эвейкер

(1709) также подчеркивал способность басен «подсластить пилюлю, с которой проглатывается мораль». Английский теоретик басни Р. Додсли не только прикреплял моральные ярлыки ко всем собственным произведениям, но индексировал морали для того, чтобы «оказать необходимую помощь юным читателям» [6. С. 72]. Воспитательная функция басен со временем стала настолько привычной, что некоторые издания, такие как «Басни у камина» Дж. Леттиса, имели в завершение каждого стихотворного текста не только «Вопросы для определения морали, которую можно извлечь из данной басни», но и наиболее уместные ответы на эти вопросы. Так, например, известный сюжет о Волке и Ягненке завершался целой плеядой наводящих вопросов, из которых финальный выглядел следующим образом (авторский стиль сохранен. – Н.К.):

«Вопрос № 6. Экзаменатор: Однако может ли сильный голод какого-нибудь антиобщественного бродяги, живущего, подобно Волку, насилием и разбоем, быть настолько же серьезным оправданием для смягчения наказания, как и голод примерного гражданина, который в силу роковых обстоятельств, приведших его к нищете, вынужден совершить преступление, подобное преступлению Волка в басне?

Ответчик: Говорят, что нужда не признает закона; и даже если это утверждение справедливо, все же нужда создания, живущего против всех законов общества и ни при каких обстоятельствах этим законам не повинующегося, при аналогичных обстоятельствах имеет гораздо меньше оснований для смягчения наказания» [7. С. 129]. Таким образом, порой басенные чтения «у камина» имели терминологию современных уроков обществоведения, если не судебных заседаний.

Додсли называл одним из важнейших достоинств басни ее «вежливые манеры»; об этом же говорил Аддисон, неоднократно обращавшийся к басням на страницах «Зрителя»: «Если кто-то дает нам прямой совет, то он тем самым оскорбляет наше понимание и обращается с нами как с детьми или полоумными (children or idiots)» [8]. Басня же – наиболее эффективный способ избежать обиды: читатель наслаждается забавным сюжетом, и внушаемая подспудно мораль кажется ему собственным открытием. Таким образом, резюмирует Аддисон, басня – это «косвенный способ давать советы» [Там же].

Эта «косвенность», «вежливость», уважение к читателю всегда были сильной позицией басни в век, когда общепринятое мнение устами знаменитого француза Ж.Л.Г. де Бальзака гласило, что «ничего нет более отвратительного, чем проповедник в гостиниой <...> поучающий от собственного имени» (цит. по: [9. С. 248–249]). Одним из основных требований, предъявляемых к члену общества, было соблюдение хороших манер, «лица» в любых жизненных ситуациях, причем басни рассматривались в качестве «руководства к действию» и в этом случае.

Произведения, в которых каждому члену аллегорического сообщества приписывался определенный набор правил поведения, непременно имели среди своих персонажей такого, чье поведение было социально уместным; при этом морали часто принимали вид не столько философских заповедей, сколько практических советов о том, как лучше устроиться в нестабильном мире и быть «джентльменом» (или «леди»). Именно последней цели служили «Басни для женщин» Э. Мура («Fables for Female Sex», 1744), привлечшие внимание русского переводчика.

Как следует из названия, коллекция басен Мура была специально адресована прекрасному полу. Если английские комментаторы имели возможность судить о «свободе и легкости стихосложения, наряду с меткостью сатиры и силой морального убеждения басен г. Мура» [10. С. VI], то Яценков, имеющий дело с прозаическим французским подстрочником (хотя и весьма точным для своего времени), был лишен возможности оценить первый из упомянутых компонентов и воспроизводил басни в прозе. Молодой переводчик серьезно подошел к своей задаче, не рискуя трансформировать оригинал; именно поэтому слог его достаточно тяжеловесен, буквалистичен и грешит интерференциями с французского языка. Однако сам факт прозаического воспроизведения стихов не представлялся чем-то из ряда вон выходящим в эпоху господства вольного перевода, когда любое печатное издание рассматривалось прежде всего в качестве просветительского и воспитательного средства. Тем более не было ничего необычного в прозаическом воспроизведении басен, дидактический компонент которых традиционно перевешивал значимость эстетической оболочки (не случайно один из экземпляров этой редкой книги несет на себе рукописную пометку библиотекаря «Философія», что в очередной раз свидетельствует о тесном сплетении литературных и идеологически-воспитательных интересов в России конца XVIII в.).

«Читая эти басни, — пишет переводчик, — легко видеть можно, что точный предмет сочинителя оных состоит *единственно* в том, чтоб дать женщинам наставления». Какие же наставления английского баснописца могли помочь леди Пеннингтон и русским «маменькам» достигать до юных дочерей, вступающих в свет, «преисполненный обманами и лукавством, в котором люди и вещи редко кажутся таковыми, каковы они в самом деле находятся», и где «порок закрывает гнусность маскою добродетели»? [1. С. 16].

Первая же басня сборника, «Орел и разные другие птицы», совершенно ясно декларирует намерения автора предостеречь молодых девиц от «глупости и безрассудства»: «Я предлагаю истину под видом басни, дабы через сие искоренить безумие из сердца и показать стези, совращающие блуждающую нимфу с пути мудрости» [Там же. С. 157–

158]. Казалось бы, такое многообещающее вступление должно было предвещать серьезный разговор, подобный «беседам у камина» д-ра Леттиса и отвечать желанию леди Пеннингтон в том, чтобы ее подрастающая дочь «за полтора часа до завтрака, или непосредственно после одного, рачительно упражнялась в чтении какого-нибудь сочинителя об истинном благочестии» [1. С. 25]. Однако типичная басня сборника под видом «стезей, сбивающих нимф с пути мудрости» рассматривает совершенно банальные и проверенные временем «женские хитрости»: «Ежели вы желаете, чтоб красота вашей младости была долговременнее, то основывайте поступки свои на добродетели: не будьте застенчивы и ветрены, имейте приятный и веселый нрав, истинное и откровенное сердце, взоры, не изъясляющие никаких коварств, признавайтесь в своих слабостях...» («Барс, лошадь и другие звери»); «Отчего бы это такое в вас омерзение к нарядам и убранству? Сделайте милость, сударыня, скажите мне, вышли ли вы замуж или еще нет? – Конечно (да). – <...> теперь я более не удивляюсь, вам не для чего уже заботиться об убранстве, желаемое свое вы получили. <...> Ах, сколь жалко, что такое заблуждение водится в большей половине женского пола! От сего-то и происходит омерзение, раздор и другие беспорядки, делающие супружескую жизнь смертоносною» («Стихотворец и его благодетель») [Там же].

Многие басни предлагают авторские версии хорошо известных классических сюжетов, адаптированных для преобладающей женской аудитории. Так, басня «Жеребенок и откупщик», являющаяся расширенной версией сюжета «Разборчивая невеста», критикует высокомерие девушек по отношению к потенциальным женихам и предупреждает их о печальных последствиях подобного безрассудства. Привередливая красавица сравнивается с породистым жеребенком, который весной отказался повиноваться узде наездника и предпочел вольные хлеба свободной жизни; ранняя зима сбивает спесь с беглеца и он возвращается в стойло, однако хозяин нагружает его поклажей и заставляет работать, а не красоваться на бегах. Роковая ошибка признается слишком поздно, и герою остается лишь вздыхать, горько оплакивая судьбу: «Я по гордости своей и высокомерию вздумал в молодых летах быть вольным. <...> Когда я служил господину, то все меня хвалили и награждали; а теперь я в беспрестанной нахожусь работе. Нимало не смотрят на мое рождение, и я теперь пришел совсем в изнеможение, и осужден за мою гордость проводить жизнь самую наижесточайшую» [Там же. С. 233–234].

Еще более удивительна интерпретация знаменитого сюжета Эзопа-Федра «Волк и Ягненок», где в поле зрения читательниц попадали не два традиционных персонажа, а три, так как ягненок неожиданно оказывается неопытной девицей, находящейся под бди-

тельным надзором матери-овцы. Волк пожелал жениться на ягненке, которого жестокосердная мать, ослепленная властью и богатством жениха, отдает замуж против воли. Однако этот странный мезальянс, как и справедливое замечание автора о том, что «выбирать супруга не к родителям, но к единым их дочерям относится», предвещает печальный финал: волк, пресытившись молодой женой и обвинив ее в симпатии к охотничьим собакам, «бросился на ягненка, и сия жертва под зубами его лишилась жизни» [1. С. 196]. Вопреки классическому варианту истории, «мораль» обвиняет не столько волка, хищного по натуре, сколько обеих овец, принявших необдуманное и поспешное решение.

Таким образом, в конце XVIII в. басни Э. Мура заполняли экзотическую для русской правоучительной поэзии нишу «женской» басни, обучая юных читательниц как устроить свою жизнь к наибольшему удобству и удовольствию и не претендуя на проповедь высоких моральных принципов. «Женская» басня была призвана помочь находящимся на пороге жизни юным девушкам занять подобающее место в социальной иерархии и вести себя соответственно этому месту, избегая наиболее типичных ошибок.

Литература

1. *Советы* несчастныя матери ея дочерям, полезные для молодых девиц, вступающих в свет: с присовокуплением для женского пола правоучительных басен. Перевел Николай Яценков. М. : Тип. Огорокова, 1788. 240 с.
2. *Pennington S.* An Unfortunate Mother's Advice to Her Absent Daughters, in a Letter to Miss Pennington. London : S. Chandler, 1761. URL: <http://www.books.google.ru/books?id=JKBbAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q=fable&f=false> (accessed: 29.11.2014).
3. *The lady's* pocket library. Fourth American Edition. Philadelphia : Printed and published by Mathew Carey, 1809. 330 p.
4. *Austin L.N.* A Critical Edition of Lady Sarah Pennington's «An Unfortunate Mother's Advice to Her Absent Daughters, in a Letter to Miss Pennington». A dissertation for the degree Ph.D. Arizona State University, 2009. 154 p. URL: <http://www.books.google.ru/books?id=F7tr2DNEYEUC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed: 06.11.2014).
5. *Willey B.* The English Moralists. N.Y. : Doubleday and Co., 1967. 306 p.
6. *Крицкая Н.В.* Феномен английской басни в жанровом и функциональном аспектах // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 8 (98). С. 70–72.
7. *Lettice J.* Fables for the Fire-side. London, 1812. 220 p.
8. *Spectator.* 1712. No. 512. Friday, Oct. 17. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/12030> (accessed: 02.11.2014).
9. *Луков Вл.А.* Предромантизм. М. : Наука, 2006. 683 с.
10. *The poetical* works of Edward Moore. With the life of the author. Edinburg: Apollo Press, by the Martins, 1781. URL: <http://www.quod.lib.umich.edu/e/ecco/004893915.0001.000/1:2?rgn=div1;view=fulltext> (accessed: 30.10.2014).

FROM THE HISTORY OF DIDACTIC POETRY: “FABLES FOR FEMALE SEX” BY E. MOORE IN RUSSIA

Kritskaya N.V. PhD., Associate Professor, Department of Foreign Languages, Institute of Physics of High Technologies, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: nadia66@mail.ru

Abstract. Russian version of “Fables for Female Sex” by English poet and dramatist E. Moore (1712–1757) is studied in the article. First published in Russia in 1788, the Fables accompanied ‘An Unfortunate Mother’s Advice to Her Absent Daughters’ by Sarah Pennington. N. Yatsenkov translated English verse fables in prose, which was not uncommon for the late 18th century. The target of Yatsenkov’s was to render chiefly the matter subject of E. Moore’s moralizing. As conventional didactic means of English 18th century, the ‘Fables for Ladies’ transformed classical fable stories for women-readers’ use and showed the most rational ways to their life satisfaction and prosperity. E. Moore’s poems took up new for Russian didactic poetry niche of women-targeting fables which were aimed to help newcomer girls to fit the challenging society.

Keywords: fable; Edward Moore; translation; didactic poetry.

DOI 10.17223/19996195/29/2